LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

LEV TOLSTOJ

LA MORTE DI IVAN IL'IČ

Смерть Ивана Ильича

Traduzione nella lingua di Alessandro Manzoni

TESTO INTEGRALE CON ORIGINALE RUSSO A FRONTE

AD VERITATEM

AD VERITATEM

Le traduzioni impossibili

Prima edizione Ad Veritatem: 2026

Testo russo di pubblico dominio.
Edizione di riferimento: L. N. Tolstoj, Polnoe sobranie sočinenij, tomo 26, edizione digitale Tolstoj.ru.
Lezione e paragrafazione verificate sul testo del portale.

© 2026 Luigi Gaggero per la traduzione italiana e gli apparati originali.
Tutti i diritti riservati sugli apporti originali.

Pubblicato sotto il marchio editoriale Ad Veritatem

adveritatem.it

ISBN 979-12-82328-42-5

INDICE

I	6
II	20
III	32
IV	44
V	56
VI	62
VII	68
VIII	76
IX	88
X	94
XI	98
XII	104
Nota alla traduzione impossibile	109

I

В большом здании судебных учреждений во время перерыва заседания по делу Мельвинских члены и прокурор сошлись в кабинете Ивана Егоровича Шебек, и зашел разговор о знаменитом красовском деле. Федор Васильевич разгорячился, доказывая неподсудность, Иван Егорович стоял на своем, Петр же Иванович, не вступив сначала в спор, не принимал в нем участия и просматривал только что поданные Ведомости.

— Господа! — сказал он, — Иван Ильич-то умер.

— Неужели?

— Вот, читайте, — сказал он Федору Васильевичу, подавая ему свежий, пахучий еще номер.

В черном ободке было напечатано: «Прасковья Федоровна Головина с душевным прискорбием извещает родных и знакомых о кончине возлюбленного супруга своего, члена Судебной палаты, Ивана Ильича Головина, последовавшей 4-го февраля сего 1882 года. Вынос тела в пятницу, в 1 час пополудни».

Иван Ильич был сотоварищ собравшихся господ, и все любили его. Он болел уже несколько недель; говорили, что болезнь его неизлечима. Место оставалось за ним, но было соображение о том, что в случае его смерти Алексеев может быть назначен на его место, на место же Алексеева — или Винников, или Штабель. Так что, услыхав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых.

«Теперь наверно получу место Штабеля или Винникова, — подумал Федор Васильевич. — Мне это и давно обещано, а это повышение составляет для меня 800 руб. прибавки, кроме канцелярии».

«Надо будет попросить теперь о переводе шурина из Калуги, — подумал Петр Иванович. — Жена будет очень рада. Теперь уж нельзя будет говорить, что я никогда ничего не сделал для ее родных».

— Я так и думал, что ему не подняться, — вслух сказал Петр Иванович. — Жалко.

— Да что у него собственно было?

— Доктора не могли определить. То есть определяли, но различно. Когда я видел его последний раз, мне казалось, что он поправится.

— А я так и не был у него с самых праздников. Всё собирался.

— Что, у него было состояние?

— Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что-то ничтожное.

I

Nel gran palazzo di giustizia, durante una sospensione dell'udienza nella causa dei Melvinskij, i giudici e il procuratore s'erano raccolti nello studio d'Ivan Egorovič Šebek; e il discorso era caduto sulla celebre causa Krasovskij. Fëdor Vasil'evič s'era acceso a sostenere l'incompetenza del tribunale; Ivan Egorovič teneva fermo il suo punto; Pëtr Ivanovič, che da principio non era entrato nella disputa, non vi prendeva parte, e scorreva i giornali appena recapitati.

— Signori! — disse a un tratto. — È morto Ivan Il'ič.

— Possibile?

— Ecco: leggete — disse, porgendo a Fëdor Vasil'evič il foglio ancora fresco e odoroso di stampa.

In un riquadro nero si leggeva: «Praskov'ja Fëdorovna Golovina, col più profondo dolore, annunzia ai parenti e agli amici la morte dell'amatissimo consorte Ivan Il'ič Golovin, consigliere della Corte di giustizia, avvenuta il 4 febbraio del corrente anno 1882. Il trasporto funebre avrà luogo venerdì, all'una pomeridiana».

Ivan Il'ič era collega dei signori lì raccolti, e tutti gli volevano bene. Era malato da parecchie settimane; si diceva che il male fosse incurabile. Il suo posto gli era stato conservato; ma s'era già fatto il conto che, morendo lui, Alekseev avrebbe potuto succedergli, e che al posto d'Alekseev sarebbe poi andato Vinnikov, o Štabel'. Sicché il primo pensiero di ciascuno di quei signori, all'udire della morte d'Ivan Il'ič, fu quale effetto essa avrebbe potuto avere sui trasferimenti e sulle promozioni proprie o dei propri conoscenti.

«Ora il posto di Štabel', o quello di Vinnikov, toccherà di certo a me», pensò Fëdor Vasil'evič. «Me l'hanno promesso da un pezzo; e sono ottocento rubli di più, senza contare la cancelleria».

«Bisognerà che domandi il trasferimento di mio cognato da Kaluga nel nostro distretto», pensò Pëtr Ivanovič. «Mia moglie ne sarà contentissima. E non potrà più dire che per la sua famiglia non ho mai fatto nulla».

— Me l'aspettavo che non si sarebbe rialzato — disse Pëtr Ivanovič ad alta voce. — Peccato.

— Ma, precisamente, che cos'aveva?

— I medici non seppero mai dirlo. O, per meglio dire, lo dissero, ma ciascuno a modo suo. L'ultima volta che lo vidi, mi pareva che migliorasse.

— Io non sono più andato da lui dalle feste. Mi proponevo sempre d'andarci.

— Aveva qualche sostanza?

— La moglie, mi pare, ha qualcosa. Ma una miseria.

— Да, надо будет поехать. Ужасно далеко жили они.

— То есть от вас далеко. От вас всё далеко.

— Вот не может мне простить, что я живу за рекой, — улыбаясь на Шебека, сказал Петр Иванович. И заговорили о дальности городских расстояний, и пошли в заседание.

Кроме вызванных этой смертью в каждом соображений о перемещениях и возможных изменениях по службе, могущих последовать от этой смерти, самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я.

«Каково, умер; а я вот нет», подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования.

Ближе всех были Федор Васильевич и Петр Иванович.

Петр Иванович был товарищем по училищу правоведения и считал себя обязанным Иваном Ильичом.

Передав за обедом жене известие о смерти Ивана Ильича и соображения о возможности перевода шурина в их округ, Петр Иванович, не ложась отдыхать, надел фрак и поехал к Ивану Ильичу.

У подъезда квартиры Ивана Ильича стояла карета и два извозчика. Внизу, в передней, у вешалки прислонена была к стене глазетовая крышка гроба с кисточками и начищенным порошком галуном. Две дамы в черном снимали шубки. Одна сестра Ивана Ильича, знакомая, другая незнакомая дама. Товарищ Петра Ивановича, Шварц, сходил сверху и, с верхней ступени увидав входившего, остановился и подмигнул ему, как бы говоря: «глупо распорядился Иван Ильич; то ли дело мы с вами».

Лицо Шварца с английскими бакенбардами и вся худая фигура во фраке имела, как всегда, изящную торжественность, и эта торжественность, всегда противоречащая характеру игривости Шварца, здесь имела особенную соль. Так подумал Петр Иванович.

Петр Иванович пропустил вперед себя дам и медленно пошел за ними на лестницу. Шварц не стал сходить, а остановился наверху. Петр Иванович понял зачем; он, очевидно, хотел сговориться, где повинтить нынче. Дамы прошли на лестницу к вдове, а Шварц, с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом, движением бровей показал Петру Ивановичу направо, в комнату мертвеца.

— Sì, bisognerà andarci. Abitavano spaventosamente lontano.

— Vale a dire, lontano da voi. Da voi, tutto è lontano.

— Non sa perdonarmi d'abitare di là dal fiume — disse Pëtr Ivanovič, sorridendo a Šebek. E si misero a discorrere delle distanze della città; poi tornarono in udienza.

Oltre ai pensieri di trasferimenti e di possibili mutamenti d'impiego che quella morte aveva suscitato in ciascuno, il semplice fatto che fosse morto un conoscente prossimo destò in tutti coloro che ne ebbero notizia quel sentimento di sollievo che, in casi simili, non manca quasi mai: era morto lui, e non io.

«Guarda un po': lui è morto, e io no», pensò, o sentì, ciascuno. Gli intimi poi, quelli che si chiamano gli amici d'Ivan Il'ič, pensarono involontariamente che ora toccava loro adempiere certe tediose convenienze: assistere alla funzione e fare alla vedova una visita di condoglianze.

I più prossimi erano Fëdor Vasil'evič e Pëtr Ivanovič.

Pëtr Ivanovič era stato suo compagno alla Scuola di diritto, e si riteneva in obbligo con lui.

Data a tavola alla moglie la notizia della morte d'Ivan Il'ič, insieme con le sue considerazioni sulla possibilità di far trasferire il cognato nel loro distretto, Pëtr Ivanovič, senza concedersi il riposo, infilò il frac e si fece condurre a casa del morto.

Davanti al portone c'erano una carrozza e due vetture da nolo. Nell'anticamera a terreno, accanto all'attaccapanni, era appoggiato alla parete il coperchio della bara, di broccato, ornato di fiocchi e di galloni lustrati di fresco. Due signore in nero si toglievano le pellicce. Una, sorella d'Ivan Il'ič, era conosciuta; l'altra no. Švarc, collega di Pëtr Ivanovič, scendeva dall'alto; e, vedendolo entrare dall'ultimo gradino, si fermò e gli fece l'occhiolino, come a dire: «Ivan Il'ič ha combinato proprio male la faccenda; tutt'altra cosa noi due».

Il viso di Švarc, con le fedine all'inglese, e tutta la sua persona asciutta e chiusa nel frac avevano, come sempre, una solennità elegante; e quella solennità, che contrastava in ogni occasione con l'indole scherzosa di Švarc, lì acquistava un sapore particolare. Così almeno parve a Pëtr Ivanovič.

Lasciò passare avanti le signore e salì adagio dietro di loro. Švarc non scese, ma rimase in cima. Pëtr Ivanovič ne capì il perché: voleva evidentemente intendersi con lui per sapere dove si sarebbe giocato a vint[1] quella sera. Le signore andarono dalla vedova; Švarc, serrate gravemente le labbra e con gli occhi ridenti, indicò con un moto delle sopracciglia, alla destra di Pëtr Ivanovič, la camera del morto.

[1] Gioco di carte russo della famiglia del whist, affine al bridge, praticato da quattro giocatori divisi in due coppie.

Петр Иванович вошел, как всегда это бывает, с недоумением о том, что ему там надо будет делать. Одно он знал, что креститься в этих случаях никогда не мешает. На счет того, что нужно ли при этом и кланяться, он не совсем был уверен и потому выбрал среднее: войдя в комнату, он стал креститься и немножко как будто кланяться. Насколько ему позволяли движения рук и головы, он вместе с тем оглядывал комнату. Два молодые человека, один гимназист, кажется, племянники, крестясь, выходили из комнаты. Старушка стояла неподвижно. И дама с странно поднятыми бровями что-то ей говорила шопотом. Дьячок в сюртуке, бодрый, решительный, читал что-то громко с выражением, исключающим всякое противоречие; буфетный мужик Герасим, пройдя перед Петром Ивановичем легкими шагами, что-то посыпал по полу. Увидав это, Петр Иванович тотчас же почувствовал легкий запах разлагающегося трупа. В последнее свое посещение Ивана Ильича Петр Иванович видел этого мужика в кабинете; он исполнял должность сиделки, и Иван Ильич особенно любил его. Петр Иванович всё крестился и слегка кланялся по серединному направлению между гробом, дьячком и образами на столе в углу. Потом, когда это движение крещения рукою показалось ему уже слишком продолжительно, он приостановился и стал разглядывать мертвеца.

Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшеюся головой на подушке, и выставлял, как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб с взлизами на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу. Он очень переменился, еще похудел с тех пор, как Петр Иванович не видал его, но, как у всех мертвецов, лицо его было красивее, главное — значительнее, чем оно было у живого. На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано; и сделано правильно. Кроме того, в этом выражении был еще упрек или напоминание живым. Напоминание это показалось Петру Ивановичу неуместным или, по крайней мере, до него не касающимся. Что-то ему стало неприятно, и потому Петр Иванович еще раз поспешно перекрестился и, как ему показалось, слишком поспешно, несообразно с приличиями, повернулся и пошел к двери. Шварц ждал его в проходной комнате, расставив широко ноги и играя обеими руками за спиной своим цилиндром. Один взгляд на игривую, чистоплотную и элегантную фигуру Шварца освежил Петра Ивановича. Петр Иванович понял, что он, Шварц, стоит выше этого и не поддается удручающим впечатлениям. Один вид его говорил: инцидент панихиды Ивана Ильича никак не может служить достаточным поводом для признания порядка заседания нарушенным, т. е. что ничто не может помешать нынче же вечером щелконуть, распечатывая ее, колодой карт, в то время как лакей будет расставлять четыре необожженные свечи; вообще нет основания предполагать, чтобы инцидент этот мог помешать нам провести приятно и сегодняшний вечер. Он и сказал это шопотом проходившему Петру Ивановичу, предлагая соединиться на партию у Федора Васильевича.

Pëtr Ivanovič vi entrò col solito smarrimento di chi non sa bene che cosa dovrà farvi. Una cosa sapeva: che in tali casi segnarsi non guasta mai. Quanto alla necessità d'inchinarsi insieme, non ne era ben certo; scelse perciò una via di mezzo: entrato, cominciò a farsi il segno della croce e accennò una specie d'inchino. Per quanto glielo permettevano i movimenti delle mani e del capo, guardava intanto la camera. Due giovani, uno dei quali in uniforme da ginnasiale, nipoti, a quel che pareva, uscivano segnandosi. Una vecchia stava immobile; e una signora dalle sopracciglia stranamente rialzate le bisbigliava qualcosa. Un sagrestano in soprabito, vivace e risoluto, leggeva ad alta voce con un accento che non ammetteva repliche; Gerasim, il servo addetto alla credenza, passò leggero davanti a Pëtr Ivanovič spargendo qualcosa sul pavimento. A quella vista, Pëtr Ivanovič avvertì subito il lieve odore d'un corpo che si decompone. Nell'ultima visita a Ivan Il'ič aveva veduto quel contadino nello studio: faceva da infermiere, e Ivan Il'ič gli era particolarmente affezionato. Pëtr Ivanovič continuava a segnarsi e a inchinarsi leggermente in una direzione media tra la bara, il sagrestano e le immagini sacre poste su un tavolino nell'angolo. Quando poi quel movimento della mano gli parve d'essersi prolungato troppo, si fermò e si mise a guardare il morto.

Il morto giaceva, come giacciono i morti, con un peso tutto loro: le membra irrigidite sprofondate nel materasso della bara, il capo piegato per sempre sul guanciale. E mostrava, come fanno i morti, la fronte gialla e cerea, con le stempiature sopra le tempie infossate, e il naso sporgente che pareva premere sul labbro superiore. Era molto mutato e dimagrito ancora da quando Pëtr Ivanovič non lo vedeva; ma, come accade ai morti, il suo volto era più bello e, soprattutto, più significativo di quand'era vivo. Vi si leggeva che ciò che bisognava fare era stato fatto; e fatto a dovere. Inoltre, in quell'espressione c'era un rimprovero, o un ammonimento, per i vivi. L'ammonimento parve sconveniente a Pëtr Ivanovič, o almeno tale da non riguardarlo. Provò un disagio; perciò si segnò ancora una volta, in fretta, e gli parve anzi troppo in fretta, con poco rispetto alle convenienze; si voltò e andò verso l'uscio. Švarc l'aspettava nella stanza di passaggio, piantato a gambe larghe e trastullando dietro la schiena il cilindro con tutt'e due le mani. La sola vista di quella figura gaia, linda ed elegante ristorò Pëtr Ivanovič. Egli capì che Švarc si teneva al di sopra di tutto ciò, e non cedeva alle impressioni deprimenti. Il suo aspetto diceva da sé: l'incidente delle esequie d'Ivan Il'ič non può essere motivo sufficiente per dichiarare turbato il consueto ordine della serata; nulla, cioè, può impedirci, proprio stasera, di far schioccare il mazzo nell'aprirlo, mentre il domestico dispone quattro candele nuove; non c'è, insomma, alcuna ragione di supporre che l'incidente debba impedirci di passare piacevolmente anche la giornata presente. E infatti lo disse sottovoce a Pëtr Ivanovič mentre questi passava, proponendogli di unirsi alla partita in casa di Fëdor Vasil'evič. Ma, a quanto pareva, quella sera Pëtr Ivanovič non era destinato a giocare.

Но, видно, Петру Ивановичу была не судьба винтить нынче вечером. Прасковья Федоровна, невысокая, жирная женщина, несмотря на все старания устроить противное, всё-таки расширявшаяся от плеч книзу, вся в черном, с покрытой кружевом головой и с такими же странно поднятыми бровями, как и та дама, стоявшая против гроба, вышла из своих покоев с другими дамами и, проводив их в дверь мертвеца, сказала: «Сейчас будет панихида; пройдите».

Шварц, неопределенно поклонившись, остановился, очевидно не принимая и не отклоняя этого предложения. Прасковья Федоровна, узнав Петра Ивановича, вздохнула, подошла к нему вплоть, взяла его за руку и сказала: «Я знаю, что вы были истинным другом Ивана Ильича...» и посмотрела на него, ожидая от него соответствующие этим словам действия. Петр Иванович знал, что как там надо было креститься, так здесь надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: «поверьте!» И он так и сделал. И, сделав это, почувствовал, что результат получился желаемый: что он тронут и она тронута.

— Пойдемте, пока там не началось; мне надо поговорить с вами, — сказала вдова. — Дайте мне руку.

Петр Иванович подал руку, и они направились во внутренние комнаты, мимо Шварца, который печально подмигнул Петру Ивановичу.

«Вот-те и винт! Уж не взыщите, другого партнера возьмем. Нешто впятером, когда отделаетесь», сказал его игривый взгляд.

Петр Иванович вздохнул еще глубже и печальнее, и Прасковья Федоровна благодарно пожала ему руку. Войдя в ее обитую розовым кретоном гостиную с пасмурной лампой, они сели у стола: она на диван, а Петр Иванович на расстроившийся пружинами и неправильно подававшийся под его сиденьем низенький пуф. Прасковья Федоровна хотела предупредить его, чтобы он сел на другой стул, но нашла это предупреждение не соответствующим своему положению и раздумала. Садясь на этот пуф, Петр Иванович вспомнил, как Иван Ильич устраивал эту гостиную и советовался с ним об этом самом розовом с зелеными листьями кретоне. Садясь на диван и проходя мимо стола (вообще вся гостиная была полна вещиц и мебели), вдова зацепилась черным кружевом черной мантилии за резьбу стола. Петр Иванович приподнялся, чтобы отцепить, и освобожденный под ним пуф стал волноваться и подталкивать его.

Praskov'ja Fëdorovna, una donna bassa e grassa, la quale, nonostante ogni sforzo per ottenere l'effetto contrario, s'allargava tuttavia dalle spalle in giù, tutta vestita di nero, il capo coperto di trine e le sopracciglia rialzate in quel medesimo modo strano della signora che stava davanti alla bara, uscì dalle sue stanze con altre donne e, accompagnatele all'uscio della camera mortuaria, disse: — Fra poco comincia l'ufficio; passate di là.

Švarc fece un inchino indeterminato e si fermò, senza, manifestamente, accettare né rifiutare l'invito. Praskov'ja Fëdorovna riconobbe Pëtr Ivanovič, sospirò, gli venne vicino, gli prese la mano e disse: — So che siete stato un vero amico d'Ivan Il'ič... — e lo guardò, aspettando da lui gli atti corrispondenti a quelle parole. Pëtr Ivanovič sapeva che, come di là bisognava segnarsi, così lì bisognava stringere la mano, sospirare e dire: «Credetemi...». E così fece. E, fatto questo, sentì che il risultato desiderato era ottenuto: lui era commosso, e lei pure.

— Venite, prima che comincino di là; ho bisogno di parlarvi — disse la vedova. — Datemi il braccio.

Pëtr Ivanovič le porse il braccio, e si avviarono verso le stanze interne, passando davanti a Švarc, che gli fece un malinconico occhiolino.

«Addio vint! Non ve l'abbiate a male: prenderemo un altro compagno. O giocheremo in cinque, quando avrete finito», diceva quello sguardo giocondo.

Pëtr Ivanovič sospirò più profondamente e più tristemente; Praskov'ja Fëdorovna gli strinse la mano con gratitudine. Entrarono nel salotto tappezzato di cretonne rosa, rischiarato da una lampada velata, e sedettero accanto al tavolino: lei sul divano, lui sopra un basso pouf, le cui molle, ormai guaste, cedevano da una parte sotto il suo peso. Praskov'ja Fëdorovna avrebbe voluto avvertirlo di scegliere un'altra sedia; ma giudicò che un simile avvertimento non convenisse alla sua condizione, e vi rinunciò. Sedendo sul pouf, Pëtr Ivanovič ricordò come Ivan Il'ič aveva arredato quel salotto, e come gli aveva chiesto consiglio proprio intorno a quella cretonne rosa a foglie verdi. Nel sedere sul divano, passando accanto al tavolino — il salotto era, in generale, pieno di mobili e di ninnoli — la vedova impigliò nella scultura del legno il pizzo nero della mantiglia nera. Pëtr Ivanovič si sollevò per liberarlo; e il pouf, alleggerito del suo peso, cominciò a ondeggiare e a sospingerlo.

Вдова сама стала отцеплять свое кружево, и Петр Иванович опять сел, придавив бунтовавшийся под ним пуф. Но вдова не всё отцепила, и Петр Иванович опять поднялся, и опять пуф забунтовал и даже щелкнул. Когда всё это кончилось, она вынула чистый батистовый платок и стала плакать. Петра же Ивановича охладил эпизод с кружевом и борьба с пуфом, и он сидел насупившись. Неловкое это положение перервал Соколов, буфетчик Ивана Ильича, с докладом о том, что место на кладбище, то, которое назначила Прасковья Федоровна, будет стоить 200 руб. Она перестала плакать и, с видом жертвы взглянув на Петра Ивановича, сказала по-французски, что ей очень тяжело. Петр Иванович сделал молчаливый знак, выражавший несомненную уверенность в том, что это не может быть иначе.

— Курите, пожалуйста, — сказала она великодушным и вместе убитым голосом и занялась с Соколовым вопросом о цене места. Петр Иванович, закуривая, слышал, что она очень обстоятельно расспросила о разных ценах земли и определила ту, которую следует взять. Кроме того, окончив о месте, она распорядилась и о певчих. Соколов ушел.

— Я всё сама делаю, — сказала она Петру Ивановичу, отодвигая к одной стороне альбомы, лежавшие на столе; и, заметив, что пепел угрожал столу, не мешкая подвинула Петру Ивановичу пепельницу и проговорила: — Я нахожу притворством уверять, что я не могу от горя заниматься практическими делами. Меня, напротив, если может что не утешить... а развлечь, то это заботы о нем же. — Она опять достала платок, как бы собираясь плакать, и вдруг, как бы пересиливая себя, встряхнулась и стала говорить спокойно.

— Однако у меня дело есть к вам.

Петр Иванович поклонился, не давая расходиться пружинам пуфа, тотчас же зашевелившимся под ним.

— В последние дни он ужасно страдал.

— Очень страдал? — спросил Петр Иванович.

— Ах, ужасно! Последние не минуты, а часы он не переставая кричал. Трое суток сряду он, не переводя голосу, кричал. Это было невыносимо. Я не могу понять, как я вынесла это; за тремя дверьми слышно было. Ах! что я вынесла!

— И неужели он был в памяти? — спросил Петр Иванович.

— Да, — прошептала она, — до последней минуты. Он простился с нами за 1/4 часа до смерти и еще просил увести Володю.

Мысль о страдании человека, которого он знал так близко, сначала веселым мальчиком, школьником, потом взрослым партнером, несмотря на неприятное сознание притворства своего и этой женщины, вдруг ужаснула Петра Ивановича. Он увидал опять этот лоб, нажимавший на губу нос, и ему стало страшно за себя.

La vedova si mise da sé a districare il pizzo; Pëtr Ivanovič tornò a sedere, schiacciando il pouf ribelle. Ma la vedova non s'era districata del tutto: lui si rialzò; il pouf si ribellò di nuovo e questa volta fece persino uno schiocco. Quando tutto fu finito, Praskov'ja Fëdorovna trasse un fazzoletto di batista pulito e si mise a piangere. L'episodio del pizzo e la lotta col pouf avevano però raffreddato Pëtr Ivanovič, che sedeva accigliato. La situazione incresciosa fu interrotta da Sokolov, cameriere d'Ivan Il'ič, venuto ad annunziare che il posto al cimitero scelto da Praskov'ja Fëdorovna sarebbe costato duecento rubli. Ella cessò di piangere e, guardando Pëtr Ivanovič con aria di vittima, disse in francese che soffriva terribilmente. Pëtr Ivanovič fece un cenno silenzioso, col quale esprimeva la certezza indubitabile che non potesse essere altrimenti.

— Fumate, vi prego — disse lei, con voce a un tempo generosa e affranta; e si occupò con Sokolov del prezzo del posto. Accendendo la sigaretta, Pëtr Ivanovič sentì che ella domandava con gran precisione i diversi prezzi del terreno, e stabiliva quale convenisse acquistare. Sistemata poi la questione del posto, diede disposizioni anche per i cantori. Sokolov uscì.

— Faccio tutto da me — disse a Pëtr Ivanovič, spostando da un lato gli album che erano sul tavolino; e, accortasi che la cenere minacciava il mobile, gli avvicinò senza indugio il portacenere. — Trovo che sarebbe un'affettazione pretendere che il dolore m'impedisca di badare alle cose pratiche. Al contrario, se qualcosa può non consolarmi... ma distrarmi, sono le cure per lui. — Riprese il fazzoletto, come se fosse per piangere; poi, d'un tratto, quasi dominandosi, scosse il capo e cominciò a parlare con calma.

— C'è però una faccenda della quale debbo parlarvi.

Pëtr Ivanovič chinò il capo, senza permettere alle molle del pouf di scostarsi, giacché avevano subito ricominciato a muoversi sotto di lui.

— Negli ultimi giorni ha sofferto spaventosamente.

— Ha sofferto molto? — domandò Pëtr Ivanovič.

— Ah, terribilmente! Non negli ultimi minuti: nelle ultime ore non ha smesso di gridare. Per tre giorni e tre notti di seguito ha gridato senza riprender fiato. Era insopportabile. Non so come abbia potuto resistere; si sentiva attraverso tre porte. Ah, quello che ho patito!

— Ed era cosciente? — domandò Pëtr Ivanovič.

— Sì — sussurrò lei — fino all'ultimo. Un quarto d'ora prima di morire ci ha dato l'addio e ha chiesto che portassero via Volodja.

Il pensiero delle sofferenze di un uomo che aveva conosciuto tanto da vicino, prima scolaro vivace, poi compagno adulto al tavolo da gioco, nonostante l'incresciosa coscienza della finzione propria e di quella donna, inorridì a un tratto Pëtr Ivanovič. Rivide quella fronte, quel naso che premeva sul labbro, ed ebbe paura per sé.

«Трое суток ужасных страданий и смерть. Ведь это сейчас, всякую минуту может наступить и для меня», подумал он, и ему стало на мгновение страшно. Но тотчас же, он сам не знал как, ему на помощь пришла обычная мысль, что это случилось с Иваном Ильичем, а не с ним, и что с ним этого случиться не должно и не может; что, думая так, он поддается мрачному настроению, чего не следует делать, как это очевидно было по лицу Шварца. И, сделав это рассуждение, Петр Иванович успокоился и с интересом стал расспрашивать подробности о кончине Ивана Ильича, как будто смерть была такое приключение, которое свойственно только Ивану Ильичу, но совсем не свойственно ему.

После разных разговоров о подробностях действительно ужасных физических страданий, перенесенных Иваном Ильичем (подробности эти узнавал Петр Иванович только по тому, как мучения Ивана Ильича действовали на нервы Прасковьи Федоровны), вдова, очевидно, нашла нужным перейти к делу.

— Ах, Петр Иванович, как тяжело, как ужасно тяжело, как ужасно тяжело, — и она опять заплакала.

Петр Иванович вздыхал и ждал, когда она высморкается. Когда она высморкалась, он сказал: «Поверьте...», и опять она разговорилась и высказала то, что было, очевидно, ее главным делом к нему; дело это состояло в вопросах о том, как бы по случаю смерти мужа достать денег от казны. Она сделала вид, что спрашивает у Петра Ивановича совета о пенсионе; но он видел, что она уже знает до мельчайших подробностей и то, чего он не знал: всё то, что можно вытянуть от казны по случаю этой смерти; но что ей хотелось узнать, нельзя ли как-нибудь вытянуть еще побольше денег. Петр Иванович постарался выдумать такое средство, но, подумав несколько и из приличия побранив наше правительство за его скаредность, сказал, что, кажется, больше нельзя. Тогда она вздохнула и, очевидно, стала придумывать средство избавиться от своего посетителя. Он понял это, затушил папироску, встал, пожал руку и пошел в переднюю.

В столовой с часами, которым Иван Ильич так рад был, что купил в брикабраке, Петр Иванович встретил священника и еще несколько знакомых, приехавших на панихиду, и увидал знакомую ему красивую барышню, дочь Ивана Ильича. Она была вся в черном. Талия ее, очень тонкая, казалась еще тоньше. Она имела мрачный, решительный, почти гневный вид. Она поклонилась Петру Ивановичу, как будто он был в чем-то виноват. За дочерью стоял с таким же обиженным видом знакомый Петру Ивановичу богатый молодой человек, судебный следователь, ее жених, как он слышал. Он уныло поклонился им и хотел пройти в комнату мертвеца, когда из-под лестницы показалась фигурка гимназистика-сына, ужасно похожего на Ивана Ильича. Это был маленький Иван Ильич, каким Петр Иванович помнил его в Правоведении. Глаза у него были и заплаканные и такие, какие бывают у нечистых мальчиков в 13—14 лет. Мальчик, увидав Петра Ивановича, стал сурово и стыдливо морщиться.

«Tre giorni di sofferenze atroci, e poi la morte. Questo può toccare anche a me, ora, in qualunque momento», pensò; e per un istante fu preso dal terrore. Ma subito, senza ch'egli stesso sapesse come, gli venne in aiuto il pensiero consueto: che la cosa era accaduta a Ivan Il'ič, non a lui; che a lui non doveva e non poteva accadere; che abbandonandosi a tali pensieri cedeva a una disposizione malinconica, il che non conveniva fare, come appariva chiaramente dal volto di Švarc. Fatto questo ragionamento, Pëtr Ivanovič si rasserenò e si mise a domandare con interesse i particolari della fine d'Ivan Il'ič, quasi che la morte fosse un'avventura propria di Ivan Il'ič soltanto, e punto di lui.

Dopo vari discorsi intorno ai particolari delle sofferenze fisiche veramente atroci sopportate da Ivan Il'ič — particolari che Pëtr Ivanovič conobbe soltanto dagli effetti prodotti da quei tormenti sui nervi di Praskov'ja Fëdorovna — la vedova credette evidentemente opportuno venire alla faccenda.

— Ah, Pëtr Ivanovič, com'è duro, com'è terribilmente duro, terribilmente duro! — E tornò a piangere.

Pëtr Ivanovič sospirava e aspettava che si soffiasse il naso. Quando l'ebbe fatto, disse: — Credetemi... — Ma ella riprese a parlare e venne finalmente a ciò che era, manifestamente, l'affare principale per cui l'aveva trattenuto: sapere come si potesse, in occasione della morte del marito, cavar denaro dall'erario. Finse di domandare consiglio a Pëtr Ivanovič circa la pensione; ma egli vide che lei conosceva già, fin nei minimi particolari e anche meglio di lui, tutto ciò che, grazie a quella morte, si poteva spremere dal governo; voleva sapere soltanto se non ci fosse il modo di spremerne qualcosa di più. Pëtr Ivanovič tentò d'immaginarne uno; ma, dopo averci pensato alquanto e aver biasimato, per convenienza, il nostro governo della sua spilorceria, disse che, a parer suo, altro non si poteva. Ella sospirò e cominciò palesemente a pensare al modo di liberarsi del visitatore. Lui capì, spense la sigaretta, s'alzò, le strinse la mano e andò nell'anticamera.

Nella sala da pranzo, dov'era l'orologio che Ivan Il'ič s'era tanto rallegrato d'aver comprato da un rigattiere, Pëtr Ivanovič incontrò il sacerdote e alcuni conoscenti venuti per l'ufficio funebre; e vide la bella signorina che conosceva, figlia di Ivan Il'ič. Era tutta vestita di nero. La vita, assai sottile, pareva anche più sottile. Aveva un'aria cupa, risoluta, quasi adirata. Salutò Pëtr Ivanovič come se egli fosse colpevole di qualcosa. Dietro di lei stava, con la medesima aria offesa, un giovane ricco che Pëtr Ivanovič conosceva: giudice istruttore e, come aveva sentito dire, suo fidanzato. Li salutò mesto e stava per entrare nella camera del morto, quando da sotto la scala apparve il figlio in uniforme di ginnasiale, spaventosamente somigliante a Ivan Il'ič. Era il piccolo Ivan Il'ič quale Pëtr Ivanovič lo ricordava alla Scuola di diritto. Aveva gli occhi gonfi di pianto, quegli occhi che hanno spesso i ragazzi di tredici o quattordici anni quando nascondono qualche colpa. Vedendo Pëtr Ivanovič, il ragazzo aggrottò il viso, severo e vergognoso.